

ветский театр обращался не раз, и на сцене осетинского театра шли пьесы болгарских драматургов Василева, Пейчева, но о болгарском театре я имел представление только лишь по гастрольям народного театра имени Ивана Вазова в Москве в 1962 г. А в эту поездку мне довелось познакомиться со всеми ведущими театрами страны. Мы просмотрели 11 спектаклей театров Софии, Пловдива, Толбухина, Плевена и других городов. Героическая тема прошлого и на-

— Я столько о тебе знаю, столько слышал, что, наверное, мог бы найти тебя с завязанными глазами,—пошутил он.

Так я познакомился с профессором Гиргином Гиргиновым, ректором Софийского университета марксизма-ленинизма, имя которого, как философа, известно не только в Болгарии.

...Мы стали друзьями с первых же минут.

Не буду говорить о приеме, который мне устроила эта чудесная семья. На другой день Герта уехала в Югославию, а я полностью поступил в распоряжение Гиргина. В воскресный день мы поехали с ним в пионерский лагерь—навещать его младшую дочь. Мы ехали живописными дорогами Витоши. За рулем—Гиргин.

Великолепный пионерский лагерь, где с любовью созданы все условия для отдыха детей.

Вечером, возвращаясь оттуда, ужиная с Гиргином в небольшом уютном ресторанчике на горе Витоше, мы впервые заговорили с ним об искусстве, о его боевом, партийном назначении. Мой собеседник говорил страстно, увлеченно: «Не люблю, когда вы, режиссеры, за оригинальничаньем, снобизмом теряете смысл. Это—флирт в искусстве, который на руку нашим идейным врагам, а не настоящее большое чувство любви и преданности идее».

Да, в этот вечер передо мной он раскрылся, как мыслитель, философ, преданный нашему общему делу.

Наутро мы выезжали из Софии. За рулем сидел новый шофер. Несколько дней мы должны были путешествовать по стране. Был чудный день, я не переставал восторгаться всем, что видел по пути, неустанно расспрашивал переводчика Володю обо всем. Единственное, что меня смущало, была замкнутость и какая-то озабоченность нашего водителя. Позади уже были сотни километров пути, а он все молчал, курил и на все вопросы отвечал односложно. И когда я попытался пошутить: «Почему даже на открытой трассе он едет со скоростью 60 километров?», он просто и серьезно ответил, что везет людей и должен ехать осторожно. Я невольно чувствовал себя в чем-то виноватым перед ним.

В одном населенном пункте водитель извинился перед нами и, свернув с главной трассы, въехал в село и остановился около нового двухэтажного дома—это был дом родителей его жены. К нам подошел пожилой человек, поздоровался и что-то взволнованно сказал водителю. У того задрожали губы и на глаза навернулись слезы, он все время повторял нам: «Извините, извините...». «Что случилось?»—испуганно спросил я переводчика. «Ничего страшного,—смеясь, ответил Володя,—у него вчера в Софии сын родился. Первенец! И тут я сразу же понял его заботу и свою «вину» перед этим славным парнем—его, как лучшего шофера, назначили в неурочный рейс—везет меня в такое волнующее для его семьи время. Мы тут же сели в машину, сократили свой маршрут и понеслись в Софию уже со скоростью 120 километров в час. «Хорошее имя у вас, Георгий. Своего сына я тоже назову Георгием!» Улыбка цвела на лице шофера, а вместе с ним радовались и мы.

В один из следующих дней меня и моего друга, театрального критика Рогачевского, застал на улице проливной дождь, мы не смогли добежать до гостиницы и спрятались под навесом большого книжного магазина. Здесь уже стояло много людей, врасплох застигнутых дождем. Седой интеллигентный человек обратился к нам с каким-то вопросом. Когда он понял, что мы из Советского Союза, то, подбирая слова, заговорил с нами по-русски. Мы охотно рассказали ему, кто мы и зачем здесь. Он деликатно извинился и быстро исчез в сплошной стене дождя. Нам показалось, что он куда-то очень спешил и не мог переждать ливня. Каково было наше удивление, когда через несколько минут, он, насквозь промокший, но с доброй улыбкой, снова появился перед нами и преподнес нам два подсвечника: «Примите,—сказал он,—они не дорогие, но болгарские».

Совсем недавно мои болгарские друзья приезжали в гости ко мне. И когда, прощаясь у Эльхотовских ворот, подымали осетинский рог с добрыми напутственными словами, мы с Гиргином смотрели на наших детей, которые никак не могли проститься... Они стояли обнявшись—друзьями. Не сомневаюсь, что это тоже на всю жизнь.

Г. ХУГАЕВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.

СЕРДЦЕМ УЗНАННАЯ СТРАНА

ПОЧЕМУ так? Когда уезжаешь далеко из отчего дома и встречаешь новых друзей, товарищей, то в минуты дружеских бесед хочется рассказать им о самом сокровенном—о родном крае, о красоте его природы, о гордости и достоинстве людей, которые живут там, и хочется заразить своих собеседников своею нежностью и любовью ко всему этому. И когда после занятий мы возвращались в маленькую комнату студенческого общежития, то за общим столом я рассказывал своим сокурсникам-болгарам о маленькой Осетии, а они, перебивая друг друга, говорили мне о своей Болгарии, пели ее песни, читали стихи, рассказывали о многовековом турецком гнете, об обычаях и традициях своего народа, в которых я узнавал многие свои осетинские обряды и традиции...

И так из вечера в вечер, в течение пяти студенческих лет. Так началось мое знакомство с Болгарией. Кенчо, Коста, Желчо и Герта уехали в Болгарию, я вернулся в Осетию, но студенческая дружба наша не закончилась и не только выдержала испытание временем (прошло 17 лет), она стала более глубокой и зрелой. Все эти годы я чувствовал творческую необходимость выразить свое уважение, свои симпатии к этой стране и ее народу. Поэтому рождение на сцене нашего театра спектакля «Первый удар» Кюлявкова о выдающемся сыне болгарского народа Георгии Димитрове—не случайно. Мне нетрудно было творчески увлечь актеров, весь постановочный коллектив, сделать работу над этим спектаклем праздником, потому что личность Димитрова стала для всех нас удивительно близкой и родной.

Много уже писалось об успехе этого спектакля, но мне хочется вспомнить о завершении фестиваля болгарской драматургии в СССР. Нам выпала честь закрыть этот фестиваль на сцене АХАТа в Москве спектаклем «Первый удар». В зале присутствовала большая болгарская делегация, в ее составе были десятки ведущих деятелей культуры, литературы и искусства, люди, лично знавшие Георгия Димитрова. Никогда не забудутся эти волнующие минуты! За кулисами—тишина, собранность, короткие деловые фразы. Наступил самый ответственный момент—выход на сцену Георгия Димитрова. Я подошел к исполнителю этой роли Маирбеку Икаеву, чтобы сказать ему теплые, ободряющие слова, но и слов не было, и на мой молчаливый вопрос: «Выдержишь, не подведешь?» Я прочел в его глазах: «Постараюсь!» И он постарался; постарались все. И когда кончился спектакль, на сцену хлынули болгары, находившиеся в зале, представители министерств, деятели культуры и искусства столицы.

Посол Болгарии в СССР Стоян Гюров, заместитель министра культуры СССР Владыкин, болгарский драматург Зидаров, народная артистка Болгарии, выдающаяся актриса Руже Дейчева, народный артист СССР Раевский, личный секретарь Димитрова Константинов говорили нам слова признания, благодарности, восхищения. Так наш театр приобрел новых болгарских друзей и поклонников.

И вот новая моя встреча с нашими друзьями, уже на болгарской земле. В составе советской делегации из пяти человек я приглашен в Болгарию на смотр национальной драматургии. Просмотр спектаклей, встречи с театральными деятелями, один город сменяет другой.

К болгарской драматургии со-

стоящего—ведущая на болгарской сцене, и это не случайно: вся история болгарского народа—непримиримая борьба за освобождение и независимость, за утверждение национального государства. Вызывает восхищение высокое профессиональное звучание спектаклей, яркость актерского исполнения, выразительность режиссуры, их ансамблевость, образное и красочное решение сценического пространства художниками.

Особо запомнились мне спектакли: историческая драма «Калоян» К. Зидарова, поставленная театром из города Благоевград, «Галеманов»—сатирическая комедия С. Костова, поставленная в Софийском театре сатиры, и «Сверклов» А. Страшимирова на сцене народного театра им. Ивана Вазова. Истинную радость испытывали мы все при встрече с выдающимися мастерами болгарской сцены—народной артисткой Руже Дейчевой, в которой удивительно сочетались заразительность Симы Икаевой и сочность, и народность Варвары Каргиновой и народным артистом Георгием Калоянчевым, который поразил нас своей многогранностью.

Хочется порадоваться тому вниманию, которым окружен театр со стороны правительства: смотры национальной драматургии стали традицией, они повторяются через каждые четыре года. Деятели театра с гордостью говорили об особом отношении к ним Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Совета Министров Народной Республики Болгарии товарища Тодора Живкова, которого мы видели в зале почти на каждом спектакле этого фестиваля.

Но с Болгарией мы познакомились не только в театральных залах. Мы были похожи на неуемных школьников, которые не уставали задавать вопросы: «А это кто?», «А это почему и зачем?» И нам открывалась страна историческими, архитектурными памятниками, Софийским собором, храмом-памятником Александру Невскому, знаменитым Рильским монастырем, выставочными залами, где нас просто поразила современная графика Болгарии. Нас возили по стране в «Волге», о которой болгарские шоферы с любовью говорят: «Надежная машина!».

Нам открывалась страна в неповторимости своей природы, хотя, когда мы поднимались к Рильскому монастырю, у меня родилось ощущение, что я еду по Алагирскому ущелью; мы подъезжали к Шипке, а рождалась ассоциация с Крестовым перевалом—и всюду памятники героическому подвигу, русскому оружию, которое в трудные минуты помогало болгарам в борьбе за независимость. А на них тысячи русских фамилий, среди которых и осетинские. Памятник-башня Шипка поражает своей величавостью.

Но, конечно, главным в этой поездке были встречи с людьми. Я увидел со своими старыми друзьями и нашел новых, о них и хочется сказать.

В один из своих свободных вечеров я был приглашен к своему другу—сокурснице Герте Лукановой, режиссеру Софийского молодежного театра. Мы назначили место и час свидания. В этот день на софийском стадионе был футбол, который я, конечно, не мог пропустить. После игры, в шумном, возбужденном потоке болельщиков, я подошел к месту свидания. Вдруг незнакомый человек остановил меня. «Георгий?»—спросил он. — «Да». — «Я — Гиргин, муж Герты». — «А где Герта?» — «Сейчас подойдет». — «Как вы узнали меня?».